Шкапенко Т. М. Репрагматизация речевого акта *Me too* в социально-коммуникативных практиках сети Интернет / Т. М. Шкапенко, Н. Б. Милявская // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 176—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-176-187.

Shkapenko, T. M., Milyavskaya, N. B. (2020). Repragmatization of the *Me too* Speech Act in Social and Communicative Practices of the Internet. *Nauchnyi dialog*, 4: 176-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-176-187. (In Russ.).

УДК 81'373+316.776:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-176-187

РЕПРАГМАТИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО АКТА *ME TOO* В СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

© Шкапенко Татьяна Михайловна (2020), orcid.org/0000-0002-6892-4205, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (Калининград, Россия), tshkapenko@kantiana.ru.

© Милявская Наталья Борисовна (2020), orcid.org/0000-0003-3790-062X, кандидат филологических наук, доцент Ресурсного центра иностранных языков, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (Калининград, Россия), nmilyavskaya@kantiana.ru.

Изучается прагматическая природа речевого акта *Me Too* в двух различных областях функционирования: вне интернет-среды и в киберпространстве. Отмечается, что в условиях обычной коммуникации *Me too* является ответной репликой, замыкающей пару смежности, и не обладает персуазивным потенциалом. В интернете данный речевой акт претерпевает радикальные изменения, превращаясь в стимульное высказывание, инициирующее массовое участие определенной целевой аудитории в движении против сексуальных домогательств. Показывается, что прагматическая трансформация фразы обусловлена действием как языковых, так и внеязыковых факторов. Переход из респонсивной реплики в инициальное высказывание обеспечивается за счет общей для всех адресатов presupпозиции, в то время как приобретаемая речевым актом многоплановость интенций (утверждение, признание, обвинение, призыв) вместе с дейктическим местоимением первого лица наделяют его высокой степенью персуазивности. В качестве психологического основания эффективного воздействия фразы рассматриваются успешно внедряемые в сознание глобализируемого сообщества идеи американской психологической школы о значимости эмпатии и терапевтическом эффекте публичных акций — признаний. Новизна выполненного исследования состоит в том, что впервые устанавливается факт ограниченной релевантности отдельных постулатов прагмалингвистических теорий для интернет-пространства. Актуальность работы связана с необходимостью комплексного осмысления феномена репрагматизации реплики *Me too*, получающей роль семиотического маркера и культурного символа новой волны феминистического движения.

Ключевые слова: речевой акт *Me too*; движение «#MeToo Movement»; диалогическое единство; пара смежности; речевые акты согласия; репрагматизация; дейксис; эмпатия.

1. Введение

Стремительное развитие сети Интернет, охватывающей в настоящее время более трети всего населения планеты, обусловило перемещение многих сфер жизнедеятельности человека в виртуальную среду. Киберпространство стало не только сферой получения самых разнообразных услуг, но и той общепланетарной площадкой, на которой рождаются и успешно функционируют массовые социальные движения. До настоящего времени феномен самоорганизации интернет-пользователей, объединяющихся вокруг одной идеи, привлекал внимание социологов, политологов, психологов и исследователей масс-медиа и коммуникаций. В то же время лингвистическая прагматика как область отношения знака к человеку до сих пор оставалась в стороне от изучения речевых и языковых явлений, конституирующих массовые социально-коммуникативные практики. Потребность в их лингвистическом осмыслении связана с тем, что многие интернет-движения объединяются вокруг вербальных слоганов, которые никогда ранее не претендовали на роль семиотических маркеров, содержащих некий «месседж». В данной работе мы преследуем цель описать явление прагматической трансформации речевого акта *Me too*, выявить технологические условия и социопсихологические факторы, обусловившие его преобразование из клишированной ответной реакции в инициальный речевой акт с высокой степенью побудительной модальности. Их изучение потребовало применения в работе методов функционально-коммуникативного и прагмалингвистического анализа с привлечением данных социологических и психологических наук.

2. Из истории возникновения движения «#MeToo Movement»

Речевой акт *Me Too* стал вербальной основой возникновения в интернете движения под одноименным названием «#MeToo Movement», начало которого датируется 15 октября 2017 года. Согласно различным источникам, его инициатором стала американская актриса Алисса Милано, которая, употребляя данную реплику, стремилась вызвать эффект «признательных показаний» представительниц женского пола, в жизни которых случались ситуации принудительной сексуальной интеракции. Использование А. Милано данного речевого акта (далее — РА) явилось ремейком менее успешной попытки его употребления в 2006 году общественным деятелем Тараной Бёрк, которая предприняла попытку сплотить под вербальной крышей *Me Too* темнокожих женщин, подвергшихся сексуальному насилию. Однако в то время акция не получила массовой поддержки, вполне вероятно, в силу социально-психологических особенностей, присущих ра-

совой страте целевой аудитории, а также по причине отсутствия в инициативе Т. Берк персонифицированного субъекта сексуального принуждения, способного сыграть роль резонансного триггера.

Десять лет спустя привязка того же слогана к фигуре известного голливудского продюсера Харви Вайнштейна, рассматривавшего секс с начинающими звездами как естественную ступень их восхождения к славе, значительным образом интенсифицировала персуазивность реплики *Me Too*, запустившей массовое движение сначала в Америке, а затем и во многих других странах мира.

Согласно Википедии, А. Милано призвала растиражировать эту фразу, чтобы показать масштаб и повсеместность проблемы сексуальных домогательств: «Если бы все женщины, подвергшиеся сексуальному домогательству или нападению, также написали “Я тоже” в своём статусе, мы могли бы дать людям понять масштабы этой проблемы» [Me Too ...]. К следующему утру, 16 октября, более 40 000 человек ответили на твит А. Милано, за первые 24 часа ее пост в Твиттере получил более 32 000 лайков и был «ретвитнут» 16 000 раз, в то время как хэштег *#MeToo* был написан почти 500 000 раз [Wood, 2018].

Преобразование обиходной респонсивной реплики в персуазивный речевой акт, инициировавший массовое интернет-движение, представляет собой любопытный прагмалингвистический феномен, осмысление которого требует изучения в соотнесении с привычной средой его коммуникативного бытования, вне интернет-пространства.

3. Прагматические функции *Me too* в обычной коммуникации

В условиях не опосредованной компьютером коммуникации реплика *Me too* является составляющей диалогического единства и представляет собой второй, замыкающий член диалогической пары, или пары смежности («adjacency pairs» [Schegloff et al., 1973]). Диалогическое единство (далее — ДЕ) может быть охарактеризовано как «монотематическая единица, которая обладает коммуникативной целостностью и завершенностью и создается двумя коммуникантами» [Колоева, 2006, с. 5]. Способ сцепления реплик в ДЕ детерминируется логико-семантической когерентностью, проявляющейся в достаточно жесткой зависимости второго члена пары не только от иллюкуции стимульного высказывания, но и от способа его локутивной (позициональной) оформленности, см. подробнее: [Шкапенко, 2011].

Примечательно, что одна из самых распространенных диалогических реплик практически ускользает от внимания как зарубежных, так и отечественных прагмалингвистов. Примеры ДЕ с *Me too* в англоязычной теоре-

тической литературе встречаются крайне редко и комментируются в зависимости от общей цели исследования. Так, Д. Робинсон рассуждает о возможности интерпретировать данную ответную реплику в зависимости от ситуативного контекста художественного текста:

Dionysus: I want to go away from here.

Xanthias: Me too [Robinson, 2006, p. 94].

Д. Робинсон поясняет, что с формальной точки зрения ответная реплика выражает согласие, однако знание различий в статусе Диониса и Ксанфия, его раба из комедии «Лягушки» Аристофана, позволяет квалифицировать интенцию последнего как «повиновение» (obedience) [Ibid].

Действительно, на первый взгляд, представляется вполне естественным, что употребление реплики *Me too* является способом выражения различных видов согласия. Однако в работах, направленных на выявление и классификацию типовых способов экспликации согласия в английском языке, данный РА отсутствует практически полностью. Даже фундаментальная монография Э. Пирсон [Pearson, 1985], собравшей полную коллекцию клишированных форм выражения согласия / несогласия в английском языке, не включает столь распространенной ответной реплики.

В качестве вероятного объяснения такой исследовательской лакуны можно указать на весьма ограниченное использование *Me too* с целью выражения согласия.

Как известно, в зависимости от характера инициальной реплики согласие подразделяется на импозитивно-ориентированное и констатино-ориентированное. «Согласие импозитивного типа проявляется в репликах-реакциях на иницирующей речевой ход импозитивной направленности (согласие на просьбу, приглашение, приказ и т. п.), констатино-ориентированное согласие является позитивной реакцией адресата на речевой стимул, представляющий собой констатино-выражение [Ружникова, 2004, с. 5].

В том случае, если инициальная реплика представляет собой директив, побуждающий адресата совершить какое-либо действие, использование ответа *Me too* исключается полностью. Различная позиция коммуникантов по отношению к описываемому в пропозиции действию не допускает выражения согласия исполнить просьбу, приказ и т. п. с помощью данного речевого акта. Его употребление представляется логически уместным только в том случае, если инициальное высказывание представляет собой репрезентативный РА, пропозиция которого сводится к некоему утверждению. В работах, направленных на изучение РА согласия, чаще всего указывается, что в этом случае второй коммуникант выражает согласие с мнением, содержащимся в реплике партнера. Например,

— *I hate her.*

— *Me too* [КПА].

Однако, кроме выражения согласия с мнением, *Me too* чрезвычайно часто используется как реакция на репрезентативный акт, пропозициональное содержание которого заключается в описании некоего действия первого коммуниканта:

— *I was yesterday / I'll be tomorrow at movies.*

— *Me too* [КПА].

В данных ДЕ интенция второго участника не может быть охарактеризована как выражение согласия: с точки зрения логики невозможно согласиться с действием, совершаемым партнером по коммуникации. В этом случае *Me too* выполняет функцию указания на сходство, идентичность или параллелизм действия, описанного в стимульной реплике.

М. Гейс приводит пример следующего гипотетического разговора:

Terry: I'm sure bored.

Sanay: Me too. Why don't we go to a ... ?

Terry: Okay [Geis, 1995, p. 248].

В данном диалоге абсолютно очевидна разница между иллюкутивной целью подтверждения «совпадения» внутреннего состояния обоих коммуникантов, в то время как *Okay* используется с целью выражения согласия.

Иллюкуцию указания на совпадение действия, содержащегося в пропозиции первого коммуниканта, ответ *Me too* может приобретать и внутри смежной пары, в которой инициальная реплика представлена речевым актом — директивом: — *Give him the book.* — *Me too please.* В этом случае ответная реплика содержит указание на желательность повторения того же действия, которое было осуществлено по отношению к первому коммуниканту, сформулировавшему просьбу.

Таким образом, в условиях живой коммуникации реплика *Me too* является вторым членом пары смежности, а ее инвариантная иллюкуция состоит в указании на совпадение мнений, действий, состояний или ощущений, описанных в пропозиции первой реплики, представленной речевыми актами — репрезентативами, или речевыми актами — директивами.

С большой долей вероятности можно предположить, что невключение столь распространенного в обиходной диалогической речи клише в классификации речевых актов, основанные на типологии интенций, связано с отсутствием в различных языках специальной лексической единицы, вербализующей «указание на идентичность или тождественность действия или состояния партнера по коммуникации». Констатация конгруэнтности действий, описанных первым коммуникантом, не получает в языках экс-

плицитного однословного выражения, что, предположительно, оставляет *Me too* за рамками многочисленных классификаций РА.

Лакуарность и сложность теоретического описания интенциональной направленности РА *Me too* в рамках прагмалингвистической парадигмы меняют движение мысли в сторону синтаксической семантики, а именно — к функциям, выполняемым сочинительным союзом *тоже*, описываемым как обозначение «одноименных действий» или действий, равноправных с точки зрения семантики, см. подробнее: [Варнаева 2015]. Примечательно, что если в условиях единого монологического высказывания название одного и того же действия одинаковой глагольной лексемой представляется недопустимым и интерпретируется либо как тавтологическое отклонение (Ср. *Я часто заходил к ней, он тоже часто заходил к ней / посещал ее*), либо как преднамеренное использование повтора с целью интенсификации описания, то в случае диалогического сцепления реплик, напротив, действует неписанный закон полного отождествления номинаций описываемых действий. В рамках смежной диалогической пары эллипсис сказуемого связан с отсутствием необходимости его повтора в ответной реплике. Соответственно декодирование пропущенного во второй реплике глагола осуществляется по пути его точной идентификации с лексемой, использованной первым партнером, что создает эффект максимальной референтной когеренции, а в определенных ситуативных контекстах приводит к возникновению эффекта эмпатии. При этом способ оформления локуции в столь часто встречающихся ситуациях совпадения действий / мнений партнеров предельно ограничен и сводится к обязательному включению в ответную реплику дейктического местоимения первого лица единственного или множественного числа и сочинительного союза *тоже*¹.

4. Прагматические функции *Me too* в рамках «#MeToo Movement»

В условиях обычной коммуникации, при любом содержании диалогического микротекста реплика *Me too* замыкает диалог внутри пары смежности. Ее расположение и респонсивный характер исключают воз-

1 Отметим попутно странности дейктической грамматики (синтаксической семантики) английского языка, характеризуемого всеми исследователями как образцового носителя агентивного синтаксиса (см. например, [Вежбицкая, 1996]). При абсолютном доминировании в английском языке номинативных конструкций (в отличие от русского языка с характерным для него преобладанием дативных конструкций: *мне холодно, мне лень* и т. п.) неразрешимой загадкой с точки зрения теории лингвистической относительности действий в косвенной, пациентивной форме: *It's me, Me too*. Использование агентивного синтаксиса в респонсивах в виде *So do I* становится все более маргинальным речевым явлением, характерным только для формального дискурса.

возможность продолжения интеракции, а присущее ей направление приспособления от мира к словам лишают РА побудительной силы в той же мере, в какой примитивность используемых языковых средств предполагает отсутствие у нее персуазивного потенциала. Однако в условиях интернет-общения данный респонсив неожиданно приобретает ярко выраженную директивную (ассертивную) интенциональность и используется как эксплицитный призыв к повторению того же вербально-поведенческого акта: скажи *Me too*, укажи тем самым на того субъекта, который тебя вынудил некогда к сексуальному акту, и внеси свой личный вклад в творящийся на твоих глазах и при твоём непосредственном участии общепланетарный «стори теллинг» харрасмента.

Становясь семиотическим маркером движения женщин против насилия, *Me too* претерпевает множественные прагматические изменения по сравнению с его функционированием в обычной среде. Прежде всего, второй член пары смежности начинает функционировать в качестве самостоятельного речевого акта, выполняющего роль интенсивного, если не императивного призыва. Отсутствие стимульной реплики компенсируется общей для интернет-пользователей пресуппозицией, которая включает знание конкретного ситуативного контекста и более широкого социального фона. Следует принимать во внимание и тот факт, что инициировавшая движение А. Милано обращалась к публике с призывом: *Скажи «Я тоже» (Tell me too)*, то есть эксплицитное побуждение к коммуникативному действию содержалось в первичном инициирующем акте. В этом случае каждый последующий участник, сказав свое *Me too*, не только рассказывает о собственной ситуации вынужденного секса, но и одновременно призывает всех потенциальных жертв насилия к повторению идентичного вербально-поведенческого акта.

Сам акт констатации — *Me too*, с одной стороны, представляет собой признание потерпевшей, с другой стороны, содержит в себе сильную импликацию обвинения. О данной его направленности как нельзя лучше свидетельствует тот перлокутивный эффект, который вызывает произнесение этих двух простых, внешне безобидных слов. Основной, прототипический адресат реплики Харви Вайнштейн получил беспрецедентное наказание в виде тюремного заключения на 23 года.

В рамках анализируемого движения РА *Me too*, вне всякого сомнения, употребляется именно в той функции, о которой мы говорили в первой части работы, описывая ее как указание на абсолютную тождественность ситуаций. Независимо от того, каким образом во внеязыковой реальности выглядел так называемый «харрасмент», произнесение фразы *Me too* полностью отождествляет и уравнивает все индивидуальные ситуации.

Сила данной фразы заключается именно в том, что идентификация всех участниц коммуникации на основе инвариантного предиката сексуального принуждения дает чрезвычайно важный с психологической точки зрения эффект эмпатии и солидарности.

Следует также отметить, что в данном виде интернет-взаимодействия имеет место объединение двух типов диалога, выделяемых в две различные группы: информативно-воздействующий и фатический диалог [Азнабаева, 2002, с. 40—44]. Для первого типа характерно воздействие посредством когнитивной информации, во втором доминирует обмен индексической информацией. В случае анализируемой нами интеракции эксплицитный дейксис реплики выполняет роль фатического оператора, в то время как знание пресуппозиции выполняет функцию когнитивного воздействия.

По мере роста числа участников движения происходит постепенная утрата организующей роли его инициатора, который приобретает анонимность и выявляется только при помощи поиска в интернет-ресурсах. В то же время каждый участник движения берет на себя роль очередного ведущего, передающего эту роль последующему партнеру, что еще более усиливает эффект эмпатийной солидарности, возникающей между коммуникантами. Общение выходит за пределы диады или триады, становится «полиадическим», с открытым количеством участников, каждый из которых передает следующему эстафету своего рода «каминг-аута», или выхода на публику со своим собственным актом признания — обвинения-протеста и призыва. Такой тип взаимодействия может быть охарактеризован с помощью предложенного Д. Кристалом термина *мультилог*: в этом случае «коммуниканты действуют в унисон» [Crystal, 2005, с. 297].

О мере успешности данного призыва могут свидетельствовать количественные данные, собранные Мариссой К. Вуд, рассматривающей движение с точки зрения реализации в нем максим Грайса и анализирующей перлокутивный эффект, спровоцированный призывом *Me too* [Wood, 2018]. В соответствии с проведенным анализом, 11 % коммуникантов ограничились размещением хэштега «#MeToo», в то время как 89 % твитов сопровождалось текстовыми комментариями, что было расценено исследовательницей как нарушение максимы количества. Учитывая содержание комментариев, перлокутивный эффект солидарности или эмпатии был идентифицирован в подавляющем количестве твитов, в то время как критические замечания по отношению к движению и аутентичности их повествований составили только 2 % от общего числа постов [Ibid].

Акцент на эмоциональном сопереживании, обнаружившийся в столь значительном количестве твитов, свидетельствует об успехе внедряемой

англосаксонской (в первую очередь, американской) цивилизацией идеи человеческой потребности в эмпатии. Речевой акт с местоименным дейксисом первого лица имплицитно подразумевает солидарность коммуникантов не только в действиях, но и в чувствах и ощущениях. Принять участие в этой акции означает вжиться в роль первой и многих других потерпевших от насилия, стать той частицей множасьегося движения, которое дает силу в единении чувств и в единении действий. Эффективность дейктических средств в процессе «эмпатизации» человечества находит свое наивысшее проявление и в другом раскрученном лозунге, в котором постоянным членом является местоимение *Я*, а именной предикат варьирует от названия редакции французского журнала *Я Шарли Эбдо* («*Je suis Charlie Hebdo*») до обаятельной жертвы кампании «Аэрофлот», кота Виктора, ввергнувшего в состояние эмпатии массы россиян, сказавших: «*Я толстый кот Виктор*».

Когда-то А. А. Реформатский писал: «... местоимения — удобное звено в устройстве языка; местоимения позволяют избегать нудных повторов в речи, экономят время и место в высказывании. Местоимения удобны и практичны, но в них нет “переливов красок” и настоящего живого слова, они не могут при себе иметь характеризующего живого эпитета ... <... > Их назначение — указание; оно должно быть точно направлено и в этом их “однозначность”; местоимения — это не конструкторы, не инженеры, а скорее “уборщики”, “подметальщики”, “ассенизаторы”. Без них не прожить, но не они зажигают огонь мысли, не они берегут чувства» [Реформатский, 1979, с. 68]. Говоря столь эмоционально и образно о невидимых тружениках языка, выдающийся ученый не принимал во внимание потенциальной роли личных местоимений в диалогическом (мультилогическом) общении, где дейксис первого лица становится самым эффективным средством достижения искомого эффекта эмпатизации.

Говоря о психологической подоплеке успеха акции *Me too*, следует также принимать во внимание тот факт, что дейктическая персуазивность основана и на других элементах англосаксонской, в первую очередь американской, ментальности. С одной стороны, здесь заметно следование традициям американской психоаналитической школы, успешно внушающей потребителям, что хотеть «поговорить об этом» есть универсальный рецепт психического оздоровления. Частными случаями такого самоисцеления являются публичные каминг-ауты в обществах анонимных алкоголиков, в которых репрезентатив *Я* — *алкоголик* рассматривается как сложный, тяжелый, но необходимый шаг в процессе психофизиологической реабилитации и награждается аплодисментами других эмпатов. Социальным фоном массовой акции *Me too* является популярность

феминистического движения, которое уже достигло в США и в других странах таких успехов, что вынуждено искать новых стимулов в свежих, демонстративных акциях, наносящих жесткий удар по носителям «маскулинной токсичности».

5. Заключение

В результате в рамках социально-коммуникативных практик #MeToo Movement тривиальная респонсивная реплика радикальным образом видоизменяет свой характер констатации сходства действий. Характерное для репрезентативов направление от мира к слову сменяется направлением от слова к миру. Реплика приобретает полифункциональный, диффузный характер, представляя собой, с одной стороны, репрезентатив, с другой стороны, ярко выраженный директив, призыв признаться и призыв обвинить, чтобы привлечь к наказанию. Равнодействующей всех вышеуказанных факторов становится культурно-символическая семиотизация фразы, которая семиотизируется как вербальный знак открытого протеста против импозитивно-ориентированного секса.

Источники и принятые сокращения

1. *Me Too movement* // Wikipedia [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Me_Too_movement.
2. КПА — *Картоотека* примеров авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азнабаева Л. А.* Принцип экспликации отношения в конвенциональном речевом поведении адресата / Л. А. Азнабаева // *Филологические науки*. — 2002. — № 6. — С. 40—49.
2. *Варнаева А. Е.* Специфика содержания предложения со словом *опять* / А. Е. Варнаева // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. — 2015. — № 10. — С. 81—85.
3. *Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 412 с.
4. *Колоева Л. М.* Единицы диалогической коммуникации : на материале английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Л. М. Колоева. — Москва, 2006. — 171 с.
5. *Круглова С. Л.* Полилогическая речь (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / С. Л. Круглова. — Ярославль, 1997. — 173 с.
6. *Реформатский А. А.* Очерки по фонологии, морфологии и морфологии ; Академия наук СССР / А. А. Реформатский. — Москва : Наука, 1979. — 102 с.
7. *Шкапенко Т. М.* Функционально-прагматические особенности речевых актов со значением согласия в современном русском языке / Т. М. Шкапенко // *Вестник Балтий-*

ского федерального университета имени И. Канта. Серия. Филологические науки. — 2011. — № 8. — С. 77—83.

8. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — 499 p.

9. *Geis L. M.* Speech acts and conversational interaction / L. M. Geis. — Cambridge, New-York & Melbourne : Cambridge University Press, 1995. — 264 p.

10. *Pearson E.* Agreement and Disagreement : A Study of Speech Acts in Discourse and ESL/EFL Materials / E. Pearson // TESOL Quarterly. — 1985. — Vol. 17, № 4. — 233 p.

11. *Robinson D.* Introducing Performative Pragmatics / D. Robinson. — London : Routledge, 2006. — 258 p.

12. *Schegloff E. A.* Opening up closings / E. A. Schegloff, H. Sacks. — Semiotica. — 1973. — № 8 (4). — Pp. 289—327.

13. *Wood M. K.* Language in digital activism : exploring the performative functions of MeToo Tweets #MeToo [Electronic resource] / M. K. Wood. — 2018. — Access mode : <https://www.diggitmagazine.com/academic-papers/language-digital-activism-exploring-performative-functions-metoo-tweets>.

REPRAGMATIZATION OF THE *ME TOO* SPEECH ACT IN SOCIAL AND COMMUNICATIVE PRACTICES OF THE INTERNET

© **Tatyana M. Shkapenko (2020)**, orcid.org/0000-0002-6892-4205, Doctor of Philology, professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), tshkapenko@kantiana.ru.

© **Natalia B. Milyavskaya (2020)**, orcid.org/0000-0003-3790-062X, PhD in Philology, associate professor, Resource Center for Foreign Languages, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), nmilyavskaya@kantiana.ru.

The pragmatic nature of the *Me too* speech act is studied in two different areas of functioning: outside the Internet environment and in cyberspace. It is noted that in normal communication *Me too* is a response cue that closes an adjacency pair and does not have a persuasive potential. On the Internet, this speech act undergoes radical changes, turning into a stimulus statement that initiates the mass participation of a certain target audience in the movement against sexual harassment. It is shown that the pragmatic transformation of the phrase is due to the action of both linguistic and extralinguistic factors. The transition from a responsive cue to an initial utterance is ensured by a common presupposition for all addressees, while the versatility of intentions acquired by the speech act (affirmation, recognition, accusation, appeal) together with the deictic pronoun of the first person endow it with a high degree of persuasiveness. As the psychological basis for the effective impact of the phrase, the ideas of the American psychological school about the importance of empathy and the therapeutic effect of public actions - confessions are successfully introduced into the consciousness of a globalized community. The novelty of the study is that for the first time the fact of the limited relevance of individual postulates of pragmalinguistic theories for the Internet space is established. The relevance of the work is associated with the need for a comprehensive understanding of the phenomenon of repragmatization of the *Me too*, which receives the role of a semiotic marker and a cultural symbol of a new wave of the feminist movement.

Keywords: speech act Me too; #MeToo Movement; dialogic unity; adjacency pair; speech acts of consent; repragmatization; deixis; empathy.

MATERIAL RESOURCES

KPA — *Kartoteka primerov avtorov*. (In Russ., Engl.).

Me Too movement. In: Wikipedia. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Me_Too_movement. (In Russ.).

REFERENCES

- Aznabayeva, L. A. (2002). Printsip eksplikatsii otnosheniya v konventsionalnom rechevom povedenii adresata. *Filologicheskiye nauki*, 6: 40—49. (In Russ.).
- Crystal, D. (2005). *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Geis, L. M. (1995). *Speech acts and conversational interaction*. Cambridge, New-York & Melbourne: Cambridge University Press.
- Koloyeva, L. M. (2006). *Yedinitsy dialogicheskoy kommunikatsii: na materiale angliyskogo yazyka: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Kruglova, S. L. (1997). *Polilogicheskaya rech' (na materiale angliyskogo yazyka): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Yaroslavl'. (In Russ.).
- Pearson, E. (1985). Agreement and Disagreement: A Study of Speech Acts in Discourse and ESL / EFL Materials. *TESOL Quarterly*, 17 (4): Available at: <http://hdl.handle.net/10125/38616/>.
- Reformatskiy, A. A. (1979). *Ocherki po fonologii, morfonologii i morfologii*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Robinson, D. (2006). *Introducing Performative Pragmatics*. London: Routledge.
- Schegloff, E. A., Sacks, H. (1973). *Opening up closings*. *Semiotica*, 8 (4): 289—327.
- Shkapenko, T. M. (2011). Funktsionalno-pragmaticheskiye osobennosti rechevykh aktov so znacheniyem soglasiya v sovremennom russkom yazyke. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya. Filologicheskiye nauki*, 8: 77—83. (In Russ.).
- Varnayeva, A. E. (2015). Spetsifika sodержaniya predlozheniya so slovom opyat'. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kultura*, 10: 81—85. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Yazyk. Kultura. Poznaniye*. Moskva: Russkiye slovari. (In Russ.).
- Wood Marissa, K. (2018). *Language in digital activism: exploring the performative functions of MeToo Tweets #MeToo*. Available at: <https://www.digitmagazine.com/academic-papers/language-digital-activism-exploring-performative-functions-metoo-tweets>.